

Бай Юаньсю приподнял Сяо Цина на руках и вдруг почувствовал, будто держит не человека, а лёгкий лист бумаги.

Эта мысль была настолько зловещей, что его бросило в дрожь. Он поспешно отогнал её прочь, перехватил Сяо Цина одной рукой, а в другой сжал свой отполированный до черноты железный меч и со всей силы обрушил его на прутья решётки!

Глухой лязг металла оглушительно прогремел в каменном мешке тюрьмы. Отдача ударила по руке с такой силой, что между большим и указательным пальцем лопнула кожа, и тёплая кровь тут же выступила на ладони.

Бай Юаньсю вгляделся в прутья - ни царапины, ни малейшей деформации.

Не останавливаясь, он бил по стенам, по полу, даже по потолку. Но, как он и предполагал, эта тюрьма была построена без единого слабого места, которое можно было бы разрушить грубой силой.

Собрав волю в кулак, он сконцентрировал ци в ладонях и снова занёс меч.

На этот раз оглушительный звон разнёсся по камере, словно удар грома.

И в ту же секунду Бай Юаньсю заметил на толстом железном пруте появилась едва заметная вмятина.

Крошечная, почти смехотворная в сравнении с массивностью решётки. Но для него это стало первым проблеском надежды.

Удар за ударом он обрушивал на прутья всю свою ярость. Правая рука быстро покрылась кровью, алые капли падали на каменный пол, шипели от жара внутренней энергии и тут же застывали, превращаясь в хрупкие рубиновые кристаллики, рассыпавшиеся в темноте.

И в тот момент, когда он снова занёс меч, тихий, прерывистый шёпот заставил его замереть:

— Юаньсю...?

Не успев даже опустить взгляд, он почувствовал, как тело в его руках дёрнулось в судороге. Боясь уронить Сяо Цина, Бай Юаньсю мгновенно опустился на колени.

Но тот, словно в бреду, рванулся вперёд и тяжело рухнул на каменные плиты. Прежде чем Бай Юаньсю успел его поймать, Сяо Цин уже вцепился в его окровавленную руку.

— Юаньсю... Юаньсю, что с твоей рукой? — голос его был хриплым от жара, взгляд мутным, но пальцы сжимали запястье с невероятной силой. — Почему ты истекаешь кровью? Тебе очень больно?

В горле Бай Юаньсю встал ком. Он бережно подхватил Сяо Цина и усадил к себе на колени, мягко успокаивая:

— Всё в порядке. Совсем не больно.

Сяо Цин был мокрым насквозь, будто его только что вытащили из воды. Пот струился по его лицу, смешиваясь со слезами, отчего он выглядел совершенно разбитым. Но он упрямо не отпуская руку Бай Юаньсю, словно понимал что стоит ему разжать пальцы, и тот снова начнёт калечить себя.

Пришлось обнимать его одной рукой, прижимая к груди, пытаюсь согреть хоть немного.

Сяо Цин прижал окровавленную ладонь к своему лицу и начал бережно дуть на рану, словно перед ним была царапина у ребёнка.

— Если подую... боль уйдёт... — прошептал он заплетающимся языком. Потом поднял мутные глаза: — Юаньсю, помнишь... когда ты впервые поранился?

Как Бай Юаньсю мог забыть.

Хотя он начал тренироваться позже многих, его талант был исключительным. Он схватывал всё на лету, и путь воина давался ему удивительно легко. Даже после ухода из Демонической Секты, скрывая истинную силу, он никогда не сталкивался с реальной опасностью.

До того случая.

Тогда они с Сяо Цином проезжали через глухую деревушку, славившуюся своими чайными плантациями. У первого же дома их встретили оборванные, белые, пыльные, будто брошенные на произвол судьбы похоронные фонари.

Расспросив местных, они узнали жуткую историю: женщина умерла при родах, новорождённый вскоре последовал за ней, а обезумевший от горя муж покончил с собой.

Одна трагедия - несчастный случай. Три подряд - уже зловещая закономерность.

Они остановились на ночлег в крестьянском доме. И той же ночью на них напал человек с парными клинками. Застигнутый врасплох, Бай Юаньсю позволил ему скрыться.

Позже выяснилось, что это и был убийца, одержимый маниакальной страстью к семьям, где только что родился ребёнок. Он вырезал мать и младенца, а отца довёл до самоубийства.

Тогда они с Сяо Цином притворились молодой супружеской парой. Ловушка сработала.

Бай Юаньсю сражался яростно, но, скрывая личность Правого Защитника Демонической Секты, не мог использовать свои коронные приёмы. Максимум, чего он добился была патовая ситуация.

И в момент, когда он нашёл брешь в защите противника, тень убийцы внезапно ожила и впилась клинком ему в бок.

Одно касание и он понял, что лезвие было отравлено.

Осознав, что медлить больше нельзя, Бай Юаньсю нанес удар, который «Герой Бай» никогда бы не использовал - молниеносный укол, пронзивший горло противника.

И только тогда он понял, что это перед ним была не тень.

Это был его брат-близнец.

Они были одинаковы во всем - черты лица, телосложение, манера движений. В тусклом свете они перемещались как единое целое, атакуя из темноты, словно перед жертвой был всего один человек.

Многие «праведные герои» пали жертвой этой уловки.

Бай Юаньсю убил их обоих , но яд уже проник в его кровь.

В обычных обстоятельствах он бы рискнул, проверяя пределы своих возможностей просто ради азарта. Но сейчас он не мог , потому что рядом был Сяо Цин.

Мысль «Если я паду, следующим умрёт он» не оставляла выбора.

Близнецы двигались стремительно, а их клинки были пропитаны парализующим ядом , одного удара хватало, чтобы жертва перестала сопротивляться.

Бай Юаньсю думал, что получил три-четыре ранения. Сяо Цин же увидел человека, залитого кровью.

Когда сознание наконец вернулось к Бай Юаньсю, первое, что он увидел был Сяо Цин, высасывающий яд из его ран.

Сяо Цин , который обычно краснел от малейшей шутки и отворачивался, стоило Бай Юаньсю снять рубашку , теперь губами вытягивал яд практически из каждого пореза на его теле.

В тот момент его заботило только спасение. Но потом воспоминания вызвали такой жар на его щеках, что уши и шея стали пунцовыми.

Тогда Бай Юаньсю только начал пробиваться сквозь ледяную скорлупу Сяо Цина. Его реакция была настолько трогательной, что Бай Юаньсю не удержался от поддразнивания и заявил с ухмылкой, что раз Сяо Цин видел его голым, теперь обязан жениться, чтобы сохранить приличия.

Каждый раз Сяо Цин смущался , но никогда по-настоящему не злился. Он лишь заливаясь румянцем, прикрывал ладонью рот Бай Юаньсю, словно котёнок, бьющий лапкой, и Бай Юаньсю обожал его за это.

Позже, когда их отношения углубились, такие шутки сошли на нет.

Не потому что он боялся гнева Сяо Цина , а потому что понимал, что если скажет это снова, Сяо Цин в девяти случаях из десяти воспримет слова всерьёз.

Он слишком часто шутил раньше. Теперь же его терзала мысль , а что если Сяо Цин согласится не из любви, а из чувства долга, из искажённого понимания благодарности?

Это свело бы их вместе , но не так, как хотел Бай Юаньсю.

С тех пор прошло много времени. Последний раз они касались этой темы в разгар лета, когда взаимные чувства уже расцвели, и подобные фразы можно было списать на игривый флирт.

Но не сейчас.

Не здесь, не в этом ледяном аду, где они оба висят на волоске от гибели.

Бай Юаньсю не понимал, почему Сяо Цин вдруг вспомнил об этом , но тут же ответил:

— Я помню.

Сяо Цин улыбнулся. Затем, с почти священным трепетом, наклонился и поцеловал рану на руке Бай Юаньсю.

Его речь была прерывистой, словно сквозь туман:

— Тогда... я правда не хотел воспользоваться тобой. Я спасал тебя ... это правда. Любил тебя... тоже правда. Я слышал... что любовь - лучшее лекарство в мире. Достаточно подуть на рану, думая о любимом, и боль уйдёт. Но я подул... а тебе всё равно больно... наверное, я люблю тебя недостаточно сильно. А теперь я поцеловал... прошу, перестань страдать...

Только когда дрожащая рука Сяо Цина коснулась его лица, стирая мокрые следы, Бай Юаньсю осознал, что он плачет.

Он прижал Сяо Цина к себе, тот был бессилён как тряпичная кукла, почти без сознания, но с ним мог выдать ни слова.

Отполированный железный меч был покрыт трещинами. Уже после второго удара Бай Юаньсю понял, что выбраться в ближайшее время не удастся. Но он не смел остановиться, боясь, что если сделает паузу, то сойдёт с ума.

Вдруг его охватила ярость на самого себя. Как он мог быть таким нерешительным? Почему просто не сломал ногу тому паршивцу при первой же встрече?

Тот сопляк был чуть старше подростка. Неужели он не боялся смерти? Малейшего давления и он бы заговорил. Почему Бай Юаньсю потратил так много времени?

Теперь же юнец исчез, заявив, что вернётся не раньше чем через три-четыре дня. Мысль, что он намеренно оставил их без еды, обрекая Сяо Цина на мучения, заставляла ненависть расти, как сорняки во дворе. Но в глубине души Бай Юаньсю винил только себя.

У него было столько возможностей. Столько времени, чтобы по-настоящему понять Сяо Цина, узнать всё. Но он был слишком занят собственными обидами, слишком горд, чтобы спрашивать, слишком слеп, чтобы видеть.

Он крепче обнял Сяо Цина, шепча «Прости» снова и снова, но тот лишь прижимался пылающим лицом к его ладони, как раненый зверёк, ищущий утешения.

Едва слышно он прошептал:

— Юаньсю... ты можешь... поцеловать меня? Мне так больно...

С первой встречи Бай Юаньсю бережно хранил Сяо Цина в сердце. Даже после сближения любая близость кроме объятий или шуток казалась ему нарушением границ.

Он всегда держал дистанцию.

Но сейчас. он наконец поцеловал его.

И на губах ощутил лишь вкус крови и слёз.

В тот момент Бай Юаньсю подумал, что ему всё равно. Без разницы, насколько реальной была покорная маска Сяо Цина. Неважно, будет ли тот смотреть на него так же, узнав правду о его прошлом. Он просто хотел, чтобы Сяо Цин выжил.

За стенами снег валил всё гуще, а в его объятиях тепло Сяо Цина угасало с каждым мгновением.

И Бай Юаньсю впервые в жизни узнал, что такое настоящий страх перед холодом.

<http://bllate.org/book/14147/1245585>